

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.5
EDN: ENGDQX

Дискурс социальной политики как фрейм нового репертуара гендерных контрактов жен мобилизованных

Ссылка для цитирования:

Осокина Д. А. Дискурс социальной политики как фрейм нового репертуара гендерных контрактов жен мобилизованных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 87–107. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.5> EDN: ENGDQX

For citation:

Osokina D. A. (2025) Social Policy Discourse as a Frame of a New Repertoire of Gender Contracts for Wives of the Mobilized. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 87–107. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.5>

Осокина Дарья Александровна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
E-mail: dosokina@hse.ru

Статья посвящена изучению модели социальной политики, направленной на поддержку семей мобилизованных в России, как инструмента продвижения предпочитаемого гендерного контракта. Семьи мобилизованных, не имея опыта взаимодействия с институтом армии, в условиях военного конфликта вынуждены в короткий срок адаптироваться к мерам социальной политики. Контекст исследования: семейная политика становится приоритетной в РФ не только как поддержка социально уязвимых семей участников СВО, но и как идеологический инструмент для формирования нового баланса властных гендерных отношений в российских семьях, которых коснулась милитаризация. В исследовании используется критический дискурс-анализ, который позволяет изучить дискурс социальной поддержки в риторике законодателей, а также оценку этих мер женами мобилизованных в коллективных дискурсах тематических онлайн-чатов. В результате анализа семейная политика в отношении семей мобилизованных характеризуется как традиционно направленная и патерналистская, показано, что сохраняется разрыв между нормативными

представлениями о социальной адресной помощи и реализуемыми мерами. Жены мобилизованных отмечают удовлетворенность монетарным уровнем поддержки, но также и трудности в получении косвенных льгот, неповоротливость системы в оказании персонализированной помощи. Репертуар женских гендерных контрактов дифференцируется, возникает специфическая нагрузка на жен мобилизованных: помимо занятости на рынке труда, ведения домашнего хозяйства и воспитания детей, на женщину возлагаются заботы по частичному обеспечению мужа — участника СВО — и маскулинные домашние обязанности, замещающие вклад отсутствующего главы семейства.

Ключевые слова: социальная политика; гендерный контракт; семьи мобилизованных; критический дискурс-анализ

Благодарность. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Введение

Проведенное исследование посвящено изучению дискурса социальной политики относительно гендерных контрактов в семьях мобилизованных к участию в специальной военной операции (СВО). Актуальность исследования обусловлена тем, что к участию в СВО привлечены не только профессиональные военные, по частичной мобилизации на военную службу были призваны граждане, пребывающие в запасе и не имеющие права на отсрочку, а также добровольцы. Хотя в указе о частичной мобилизации не прописано, какие именно группы подпадают под нее, заявления официальных лиц указывают на то, что в первую очередь призывают «граждан в возрасте до 35 лет (первый разряд запаса), прошедших военную подготовку по конкретным военно-учетным специальностям (срочную или контрактную службу) и уволенных в запас»¹. Из доклада Минобороны² следует, что «57% мобилизованных россиян женаты, 56,3% имеют детей. У 31% в семье один ребенок, у 25% — два, трое детей есть только у 0,3%», и большинство мобилизованных получили только среднее образование. Таким образом, как показывают статистические данные, мобилизованный на СВО — преимущественно семейный человек с детьми. Уйдя на СВО, он оставил дома близких, чья повседневность теперь обусловлена этими обстоятельствами, но они должны работать, зарабатывать на жизнь, воспитывать детей, выполнять рутинные внутрисемейные обязанности. И не только.

¹ Как поддерживают участников СВО и членов их семей в 2023 году // Государственная Дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/56145/> (дата обращения: 16.11.2023).

² Минобороны составило социальный портрет мобилизованного // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/society/503479-minoborony-sostavilo-social-nyj-portret-mobilizovannogo> (дата обращения: 03.03.2024).

Наш интерес заключается в том, чтобы узнать, как фреймирована на уровне социальной политики жизнь жен мобилизованных, что изменилось, наложилось или добавилось к тому негласному гендерному контракту как совокупности социальных ожиданий, который стоит за ролевыми распределениями в семье у мужчин и женщин и претерпевает изменения в контексте СВО.

В России основной гендерный контракт таков: мужчина — кормилец и защитник, женщина — работающая мать [Айвазова, 2001; Роткирх, Темкина, 2007]. Женская часть гендерного контракта заключается в «сочетании женщиной производственной деятельности с материнством и заботой о семье», а со стороны государства обеспечивается социальная поддержка в воспитании детей [Роткирх, Темкина, 2007]. Важным инструментом изменения гендерных режимов является семейная политика [Чернова, 2013], которая оформляет нормативную базу для повседневного гендерного контракта, обеспечивает его государственную идеологию, расставляет приоритеты поддержки. В отношении семей участников СВО обозначен их приоритет в семейной политике, судя по публичным высказываниям государственных деятелей и трендам бюджетной политики РФ на 2024 год^{3,4}.

Адаптация советских гендерных контрактов к военным и социально-трансформационным периодам характеризуется как «пассивное приспособление к изменяющейся гендерной политике», которое обеспечивается женщинами через гомосоциальные связи и более традиционное гендерное разделение труда [Здравомыслова, Темкина, 2003: 314]. Так, прикладное исследование гендерных контрактов в семьях военнослужащих Дальневосточного военного округа, проведенное в 2006 году, выделяет характерные условия адаптации контрактов в постсоветский период: в зависимости от того, как члены семьи перераспределяют обязанности в приватной и публичной жизни, формируются варианты гендерных контрактов [Кривцова, 2006].

В контексте внезапности СВО семьи не могли заранее подготовиться к мобилизации⁵. В отличие от семей профессиональных военных, семьи мобилизованных в большинстве своем не имели опыта организации образа жизни, тесно связанного с институтом вооруженных сил в условиях военного конфликта, и им приходится адаптироваться к вынужденной милитаризации в короткие сроки. Это означает, что сложившаяся в мирное время система гендерных контрактов как ролей и взаимных ожиданий или предписаний претерпевает напряжение и видоизменяется, расширяя репертуар существующих гендерных контрактов на фоне меняющихся требований государства к семье. В этой статье мы ответим на вопрос, какой гендерный контракт для семей мобилизованных нормативно продвигает государственный дискурс, как ретранслирует его в социальной политике, наконец, как он дифференцирован в дискурсивных практиках жен мобилизованных.

³ Там же.

⁴ В Москве в 2024–2026 годах продолжат комплексную поддержку участников СВО // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18970987> (дата обращения: 16.11.2023).

⁵ Песков ответил на вопрос о мобилизации в России // ФОНТАНКА — новости Санкт-Петербурга. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/09/13/71650955/> (дата обращения: 15.03.2024).

Институциональная поддержка семей профессиональных военных за рубежом

Исследования гендерных контрактов в контексте взаимодействия с институтом армии и опытом вооруженных конфликтов практически не ведутся. Тем интереснее, как раскрывается эта тематика в зарубежной научной сфере. Как отмечают исследователи в глобальном контексте, милитарный эффект проявляется не только как распространение военных практик на гражданскую сферу, но и через более сложные процессы, связанные с идеологическим формированием гендерных установок, что приводит к усилению гендерного неравенства и долгосрочным изменениям в гендерном режиме страны [Sjoberg, Via, 2010: 8]. Семьи профессиональных военных, как показывают результаты исследований, испытывают высокий уровень стресса, связанный не только со страхом за жизнь близких, но и с повышенными рисками долгосрочных последствий для физического и ментального здоровья своих близких, сужающих их перспективы на рынке труда и зачастую приводящих к безресурсности военнослужащего [Zinn, 2011]. В то же время жены военнослужащих берут на себя дополнительную эмоциональную работу по поддержке мужей и других членов семьи [Segal, 1986]. На них также ложится приспособление гендерных контрактов к изменениям в понимании собственных ролей в семье: зачастую от них требуется существенная уступка собственных профессиональных амбиций в пользу карьеры мужа и представлений института армии об их месте в обществе [Ziff, Garland-Jackson, 2020]. Это субординирование женщины в пользу ее зависимости от мужа результирует в «ограниченные карьерные пути, более низкие доходы, подавленные амбиции» [Kleukamp, 2012: 144]. Особенно сложным для жен военных становится поддержание баланса жизни и труда в условиях масштабных военных конфликтов [Enloe, 2000].

Отдельным фокусом работы социального института армии, например, в США, является целевая гендерная социализация семей военных, которая важна для сохранения лояльности солдат и эффективности в бою, поэтому исследования семей военных (*military families*) получают институциональную поддержку [Horn, 2010]. Эти исследования фокусируются на проблеме конфликта приватной и публичных сфер в лице «ненасытных» институтов (*greedy institutions*) семьи и армии в борьбе за ресурсы военного [Moelker, Andres, Rones, 2019; Segal, 1986]. Как известно, институт армии построен на «гегемонной маскулинности» [Connell, 2013], которая предполагает полную субординацию женщины по отношению к мужу и армии, ее жизнь привязана к службе мужа [Eran-Jona, 2011; Segal, 1986; Truusa, Kasearu, Strömpl, 2021; Ziff, Garland-Jackson, 2020]. Ожидается, что женщины «держат семью на себе» и участвуют в милитаризованном социальном воспроизводстве (*militarized social reproduction*) [Hedström, 2022]. В гендерном разделении труда жены военных полностью забирают на себя сферу частного, что выливается в проблемы с физическим и ментальным здоровьем, приводит к ощущению себя

единственным родителем, к большим объемам неоплачиваемого и невидимого труда на нужды армии и мужа-военного, к ограниченности личных карьерных возможностей [Harrison, Laliberté, 1994; Moelker, Andres, Rones, 2019; Hedström, 2022].

В 1980-х годах исследователи этой темы предсказывали, что с увеличением числа двухкарьерных семей и более сбалансированным распределением власти в семье конфликт между семьей и армией будет нарастать [Bourg, Segal, 1999; Segal, 1986], что сбылось лишь частично. Институты армии в западных странах действительно в большей степени переходят к модели профессиональной занятости военного (occupational model), менее требовательной к полной вовлеченности семей военных в их поддержку [Moskos, 1986], что, в свою очередь, приводит к диверсификации гендерных контрактов. Некоторые эгалитарные семьи для сохранения баланса жизни и труда отказываются от военной службы мужчины, обсуждая внутри семьи альтернативную занятость. Но более распространено выделение из традиционного контракта «идеальной жены военного» контракта «стойких предприимчивых жен военных», которые, сохраняя традиционные обязанности, находят в отсутствии мужа в семье источник независимости и самореализуются в публичной сфере благодаря собственной работе [Harrison, Laliberté, 1994; Hedström, 2022; Johnson, Ames, Lawson, 2022; Truusa, Kasearu, Strömpl, 2021; Ziff, Garland-Jackson, 2020]. Контракты формируются и легитимируются, в том числе благодаря социализации в сообществах военных и отдельных сообществах жен военных. В них производится персональная идентичность, которая основана на первостепенности задач и потребностей мужа-военного и понимании своего статуса как представительницы мужа-военного в обществе, оказывается взаимопомощь, складываются паттерны поведения относительно других институтов [Johnson, Ames, Lawson, 2022]. Во взаимодействии друг с другом они воссоздают стереотип идеальной жены военного, равно как и отстраиваются от стигматизируемого образа. Последний основан на чрезмерных жалобах на трудности своего положения или на требовании особого отношения к себе и большего количества льгот от армии и государства; считается неприемлемым для жены военного и полное неучастие в военной жизни мужа [Ziff, Garland-Jackson, 2020].

Социальная политика в отношении семей военных зачастую заключается в финансовой поддержке, рекреации, услугах по уходу за детьми, образовательных квотах, медицинских услугах в области физического и ментального здоровья [Bell, Stevens, Segal, 1996; Bourg, Segal, 1999; Huebner et al., 2009]. Исследователи делают вывод, что в неолиберальных системах основная задача государства в семейной политике — предоставить женам военных возможности и дополнительные силы для заботы о семье, которые позволили ли бы ей продолжать обслуживать институт армии и развивать навыки для независимого заработка [Spanner, 2022].

Социальная политика и гендерные контракты в современной России

Итак, еще раз вернемся к определению гендерного контракта. Он понимается как совокупность гендерных ролей и практик, задаваемых экономическими структурами, государственной политикой, нормами и идеологией [Здравомыслова, Темкина, 2015]. Нас особенно интересует структурный уровень гендерного контракта на пересечении социальной политики государства, рынка труда и семьи [Айвазова, 2011, 2001; Российский гендерный порядок..., 2007; Роткирх, Темкина, 2007], а также социального института армии.

Доминирующий гендерный контракт (его женская половина) как контракт «работающей матери» определился еще в СССР. В 1980-е годы контракты стали все больше дифференцироваться в неподконтрольных государству областях, а впоследствии начали разрушаться и институты социальной и идеологической поддержки материнства [Liljestrom, 1993]. Адаптация к рыночным условиям и снижение социальной поддержки привели к появлению новых контрактов карьерно ориентированной (профессионально работающей) женщины и (матери-)домохозяйки [Арутюнян, Здравомыслова, 1998]. Динамика последних лет в ориентациях социальной политики отражает скорее встречное движение на сокращение разнообразия гендерных контрактов и тренд на консервативный поворот, поддержку более традиционных контрактов [Айвазова, 2011; Savinskaya, 2024]. Так, несмотря на социальную многовариантность послеперестроечного времени, контракт «работающей матери» остается основным для России, особенно закрепляясь за более низкими доходными группами [Айвазова, 2011; Российский гендерный порядок..., 2007].

Гендерные контракты в России варьируются также по возрастным когортам [Чернова, Шпаковская, 2021] и классу (или классовым ориентациям) [Ukhova, 2022], а для мужского гендерного контракта, построенного на ведущей роли кормильца, тем не менее характерен и «побег от отцовства» (fatherhood escape) [Kashina, Tkach, 2020]. Семейная политика, как прямая, так и косвенная (например, налоговые льготы): денежная поддержка семей, институт декретного отпуска и институциональные услуги по уходу и воспитанию детей, — напрямую влияет на конфигурации гендерных контрактов, так как подталкивает граждан к предпочтительному гендерному порядку [Чернова, 2013]. Но на предложение можно ответить или отклонить его, что зависит от установок населения в отношении предпринимаемых мер социального стимулирования. В современной России семейная политика носит выраженный патерналистский характер, т.е. основана в большей степени на монетарных вознаграждениях, а функция социальной поддержки воспитания переходит на ближайшую социальную сеть и рыночные механизмы [Чернова, 2013, 2011]. В борьбе с затяжным демографическим кризисом государству предпочтительны многодетные семьи, а дешевая рабочая сила предоставляется трудовыми мигрантами, поэтому контракт «работающей матери» уже не выглядит столь желательным [Айвазова, 2011]. Перенаправление монетарной социальной помощи в поддержку материнства, но не на баланс жизни и труда

работающих матерей подпитывает разрыв между нормативными представлениями государства и экономическими возможностями населения следовать им [Borozdina et al., 2016; Morris, Garibyan, 2021].

Систематизировав литературу по теме, мы можем перейти к эмпирическому исследованию — выявлению дискурсов реализации социальной политики РФ по поддержке семей мобилизованных, корреспондирующих с поддержанным официально гендерным контрактом, и дифференциации гендерных контрактов в практиках жен мобилизованных.

Методология

В качестве рабочего инструмента анализа был выбран критический дискурс-анализ (КДА). Он используется для анализа текстов с целью выявления того, какие «структуры, стратегии или другие свойства текста, разговора, вербального взаимодействия или коммуникативных событий играют роль» в производстве или воспроизведении неравноправных властных отношений [Van Dijk, 1993: 250]. То есть в основу подхода положено такое понимание дискурса, которое указывает на его конститутивную природу: он создает, поддерживает и воспроизводит статус-кво [Wodak, Meyer, 2001]. В рамках нашей работы мы используем понятие гендерного контракта или его вариаций как выстроенную систему баланса взаимоотношений и ролей участников этой семейно-партнерской композиции — мужчин и женщин. Разумеется, и этот баланс может отражать воспроизводимые неравноправные властные отношения, конфликты интересов и т.д. Но совмещая концептуальное видение гендерной контрактации и неизбежную ее милитаризацию для семей участников СВО, мы ожидаем усложнение властной коллизии, поскольку здесь появляется новый властный институциональный актор — армия. Далее, в основе КДА лежит положение о необходимости учета контекстуальности разворачивания дискурса как *социальной практики*: в условиях стремительных социальных изменений дискурс гендерных контрактов в семьях участников СВО реконтекстуализируется через встраивание в новые институциональные и повседневные гендерные практики [Wodak, Meyer, 2001: 122–136]. В этом смысле обмен вербальными описаниями своей жизненной ситуации в связи с СВО в профильных онлайнах жен мобилизованных создает плотно репрезентируемый контекст для воспроизводимых гендерных контрактов и их вариаций.

Аналитическая модель КДА, по Н. Фэркло, также позволяет внести различия в порядок дискурса с помощью трех аналитических категорий: доминантного дискурса, дифференцирующего дискурса и противоборствующего дискурса [Wodak, Meyer, 2001; Mullet, 2018]. С этим корреспондирует идея Роткирх и Темкиной о том, что советский и российский гендерный порядок репрезентирован тремя основными типами контрактов, дополняющих друг друга: основной контракт «работающей матери», дополнительные повседневные контракты и нелегитимные контракты (попадающие в разрыв между декларативной идеологией государства и реальным положением дел в экономике

и социальной сфере) [Роткирх, Темкина, 2007]. Адаптируя эту методологию к нашим задачам, мы стремимся оценить, как социальная политика формирует доминантный дискурс и как воспринимается в дифференцирующем дискурсе:

1. В доминантном дискурсе государство предлагает свой предпочтительный гендерный контракт. Этот дискурс отражается в риторике официальных лиц и в мерах семейной политики по поддержке семей мобилизованных. Мы выделили 16 фрагментов из Посланий президента Федеральному собранию в 2023⁶ и 2024⁷ годах и 37 новостей с портала Государственной думы⁸, связанных с семьями мобилизованных.
2. В дифференцирующем дискурсе воспроизводятся повседневные контракты, которые в данной работе анализируются на структурном уровне взаимодействия жен мобилизованных с государством: мы рассматриваем их через кейсы 497 публичных сообщений из чата жен мобилизованных в Телеграме (12.10.22–31.12.23), которые были отобраны через сетку предварительных кодов, сформированных на этапе литературного обзора и обработки результатов пяти биографических разведывательных интервью.
3. Противоборствующий дискурс в контексте текущей политики государства проявляется через отвержение предлагаемого социальной политикой гендерного контракта и попытки достичь демобилизации мужчины, однако его рассмотрение не входит в фокус нашей работы.

Анализ данных

Сначала мы обратимся к доминантному дискурсу в формировании повестки социальной политики на фоне милитаризации, затем проследим, как он проявляется на уровне реализации мер социальной политики, уделив особое внимание мерам поддержки жен мобилизованных, и, наконец, обратимся к тому, как дискурс дифференцируется в практиках женских гендерных контрактов в ответ на эти меры.

Доминантный дискурс социальной политики милитаризованного общества

С началом СВО на семью возлагается задача воспроизводства населения и поддержания в нем традиционных ценностей, центральное место среди которых занимает патриотизм. Декларируется укорененность патриотизма российского народа — исторически присущая ему черта. Проблема ценностного конфликта России и Запада транслируется россиянами как необходимость

⁶ Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 17.02.2025).

⁷ Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 17.02.2025).

⁸ Портал Государственной думы. URL: <http://duma.gov.ru/news/duma/> (дата обращения: 21.09.22–20.02.24).

защиты их собственных детей. Важнейшим аспектом этой риторики становится взаимозаменяемость понятий «Родина», «Россия» и «семья», «дети», которая достигается как с помощью лингвистических средств (перечислений, метонимии и «правила трех»), так и с помощью прямого связывания личной судьбы и судьбы Отечества.

«Мы — одна большая семья, мы вместе, и потому сделаем все так, как планируем, и хотим сделать, как мечтаем» (Владимир Путин, президент РФ, Послание ФС, 2023)⁹;

«Свободное развитие общества — это готовность брать ответственность за себя и за близких, за свою страну. Такие качества закладываются с детских лет, в семье. И конечно, для укрепления наших общих ценностей, национальной идентичности крайне важны система образования, отечественная культура» (Владимир Путин, президент РФ, Послание ФС, 2024)¹⁰;

«Сегодня все мы все понимаем, что задача каждого — в силу своих профессиональных и человеческих возможностей, гражданской ответственности быть полезными в деле защиты нашей страны, наших детей!» (Ольга Казакова, депутат «Единой России», член Комитета по просвещению, 2022)¹¹.

В этом проявляется основное изменение в мужском гендерном контракте, которое российские власти формулируют в официальном дискурсе, на авансцену выходит мужская роль защитника. Так как милитаризация — гендеризованный процесс, в котором главное место занимает мужчина, участие в его частной жизни института армии обосновывается через личную угрозу его семье и детям со стороны Запада.

Ценность патриотизма уравнивается с поддержкой СВО, что лингвистически достигается через обобщения и выделение единой ингруппы по признаку поддержки СВО («все мы», «каждый из нас», «абсолютное большинство», «весь народ», «наши общие ценности», «все это понимают», «мы вместе»), а также через использование эпитетов, отражающих силу декларируемой поддержки:

*«Горжусь, думаю, что все мы гордимся, что наш многонациональный народ, абсолютное большинство граждан заняли **принципиальную** позицию в отношении специальной военной операции, поняли, в чем смысл*

⁹ Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁰ Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 17.02.2025).

¹¹ Ольга Казакова: «Детям из семей мобилизованных бойцов, должна быть обеспечена забота как в образовательных учреждениях, так и в организациях детского отдыха и оздоровления» // Комитет Государственной Думы по просвещению. URL: <http://komitet4-8.km.duma.gov.ru/Novosti/item/28487599> (дата обращения: 17.02.2025).

действий, которые мы делаем, поддержали наши действия по защите Донбасса. В этой поддержке прежде всего проявился **настоящий патриотизм** — чувство, которое исторически присуще нашему народу. Оно потрясает своим **достоинством, глубоким осознанием** каждым, я подчеркну, каждым неразрывной своей собственной судьбы с судьбой Отечества» (Владимир Путин, президент РФ, Послание ФС, 2023)¹².

Государство признает высокий риск участия в СВО и тяжелое положение жен и семей участников боевых действий, поэтому для компенсации ушедшего на СВО кормильца разворачивает патерналистскую политику по поддержке участников СВО, в частности мобилизованных. На идеологическом уровне она проводится через декларацию высокого социального статуса и почета, выделяет героизм, мужество участников СВО, гордость за них и благодарность государства. Кроме того, особое внимание уделяется проведению единой политики по поддержке участников СВО в любом статусе, это закрепляется как идеологически, так и законодательно.

«Забота о семьях военнослужащих, добровольцев, мобилизованных граждан, которые участвуют в специальной военной операции, — это прямая обязанность государства и вместе с тем глубокая признательность за то, что они защищают людей на наших исторических территориях, сражаются мужественно, героически» (Игорь Антропенко, депутат «Единой России», член Комитета по промышленности и торговле, 2024)¹³;

«Наши мобилизованные мужчины говорят: мы сделаем все, выполним поставленную задачу, но вы, пожалуйста, помогите нашим семьям, детям, чтобы мы были спокойны за них» (Ольга Казакова, депутат «Единой России», член Комитета по просвещению, 2022)¹⁴.

Новый официальный мужской гендерный контракт переписывается со стороны государства, которое как бы замещает мужчину, фокусируется на выполнении обязательств по поддержке и защите семей мобилизованных в их отсутствие. Интересная особенность этого дискурса заключается в том, что в данном случае устанавливается контракт между женщиной и государством, а не между семьей и государством: мужчина защищает интересы страны, а государство защищает интересы его семьи.

¹² Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 17.02.2025).

¹³ Игорь Антропенко: законопроект о защите вдов участников СВО от увольнения даст возможность нормализовать жизнь в такой непростой ситуации // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/58849/> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁴ Ольга Казакова: «Детям из семей мобилизованных бойцов, должна быть обеспечена забота как в образовательных учреждениях, так и в организациях детского отдыха и оздоровления» // Комитет Государственной Думы по просвещению. URL: <http://komitet4-8.km.duma.gov.ru/Novosti/item/28487599> (дата обращения: 17.02.2025).

Патернализм официального дискурса и место женщины в нем

Этот обновленный милитарный контракт государственной заботы закладывается в основные принципы социальной политики в отношении мобилизованных и их семей. На данном этапе развертывания дискурса происходит переход от нормативных представлений, которые озвучены президентом РФ, к их реализации в законотворческой деятельности Государственной думы. Важно отметить, что проводится единая политика по поддержке семей участников СВО, то есть делается упор на приоритете этих мер для всех фракций, однако главными инициаторами в текстах новостей выступают депутаты от «Единой России». Так, в Послании Федеральному собранию 2023 года¹⁵ декларируется приоритет семей мобилизованных в социальной политике на всех уровнях власти, необходимость персонального внимания к каждой семье, взятие государством на себя задач «кормильца» и воспитания детей в случае гибели мобилизованных, недопустимость бюрократизированности поддержки, необходимость поддержки семей гражданским обществом. На законодательном уровне эти принципы ретранслирует в первую очередь Председатель Государственной думы Вячеслав Володин, который использует в своих комментариях к законопроектам фразы, фокусирующиеся на обеспечении уверенности в надежном тыле:

*«Солдаты и офицеры обеспечивают безопасность нашей страны и **должны быть уверены: о них позаботятся**» (Вячеслав Володин, депутат «Единой России», Председатель Государственной думы, 2022)¹⁶;*

*«Председатель Государственной думы подчеркнул, что военные **должны быть уверены: тыл у них крепкий, надежный, дома все хорошо**»¹⁷;*

*«Тот, кто пошел защищать Родину, **должен знать: Родина за ним, она и его защитит, она защитит членов семей, она сделает все для того, чтобы он получил образование, потом профессию, был востребован. Ребята возвращаются. Они **должны быть уверены, что будут востребованы**» (Вячеслав Володин, депутат «Единой России», Председатель Государственной думы, 2023)¹⁸.***

Основной способ заботы со стороны государства состоит в распространении большинства льгот, получаемых участниками СВО, на их семьи. При этом задачей семьи в этом контракте становится поддержка мобилизованного: они

¹⁵ . Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁶ Вячеслав Володин: солдаты и офицеры обеспечивают безопасность нашей страны и должны быть уверены — о них позаботятся // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/55361/> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁷ Вячеслав Володин рассказал, что делает ГД для поддержки наших солдат и офицеров // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/56142/> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁸ Председатель ГД призвал создать для участников СВО систему преференций при поступлении в вузы // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/56990/> (дата обращения: 17.02.2025).

становятся «крепким, надежным тылом», который отвечает за моральный дух мобилизованных.

Стоит обратить внимание и на то, как в текстах определяются благополучатели социальной поддержки: в основном используются словосочетания «семьи мобилизованных/участников СВО» или «дети мобилизованных/участников СВО». Упор на детей мобилизованных становится особенно заметным и благодаря одному из наиболее ярких направлений немонетарной социальной политики: образовательным льготам по бюджетному поступлению в вузы, поступлению в детские сады и школы без очередей и предоставлению бесплатных детских лагерей. Важно, что если большинство монетарных льгот распространяются на всю семью в целом, то образовательные льготы на поступление в вуз ограничиваются именно участниками СВО и их детьми, то есть государство не учитывает жен мобилизованных как возможных благополучателей культурного капитала в отсутствие их мужей.

«В частности, в образовательной сфере были расширены возможности льготного поступления как для самих ветеранов боевых действий — участников СВО, так и для их детей во все образовательные учреждения, детские сады, школы и вузы, и уже сейчас тысячи и тысячи ребяташек, чьи отцы защищают нашу Родину на фронте, борются с фашизмом, получили возможность льготного поступления в образовательные учреждения» (Дмитрий Вяткин, первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия», 2023)¹⁹.

Жены если и упоминаются, то в контексте скорби и при перечислении других причастных членов семьи (например, *«как невыносимо тяжело сейчас женам, сыновьям, дочерям павших воинов, их родителям»*). Интересно, что меры поддержки именно жен мобилизованных направлены на дополнительную защиту их трудовых прав:

«Их нельзя будет без согласия привлечь для особого режима работы: направить в служебные командировки, привлечь сверхурочно, в ночное время, в выходные и праздничные дни... Кроме того, для них предусматривается преимущественное право сохранения работы при сокращении численности или штата сотрудников» (Ярослав Нилов, депутат ЛДПР, 2022)²⁰.

Таким образом, ядро определяемой новым милитарным контрактом женской роли — материнство, забота по отношению к семье и оплачиваемый труд как источник благополучия. Но если в официальных высказываниях речь

¹⁹ Дмитрий Вяткин: в весеннюю сессию приняты около полутора десятков законопроектов, направленных на поддержку участников СВО и их семей // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/57695/> (дата обращения: 17.02.2025).

²⁰ Принят закон о дополнительных гарантиях трудовых прав мобилизованных // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/55351/> (дата обращения: 17.02.2025).

идет о любых женах, то законодательно эта защита закрепляется только при наличии в семье несовершеннолетних детей. Невозможность увольнения, которая гарантируется мобилизованным, распространяется на их жен только в случае их гибели в течение года, для «нормализации жизни». Приостановление судопроизводства в отношении мобилизованных не распространяется на вопросы по выплате алиментов.

Монетарная социальная политика в отношении мобилизованных и их семей тоже широка: помимо установления единого уровня выплат для всех участников СВО (превышающего среднюю зарплату по стране в четыре раза), закрепляются «кредитные каникулы», освобождение от НДФЛ по выплатам, освобождение от пеней за просроченные платежи за ЖКХ, компенсации за неиспользование туристических путевок. При этом получение большинства этих льгот не гарантировано автоматически, и они направлены, скорее, на семьи с низким доходом, которые полностью зависят от доходов мужчины-кормильца. Для того, чтобы получить эту поддержку, семьям мобилизованных необходимо взаимодействовать с разными социальными ведомствами. Проблема затрат на получение социальной поддержки признается государством, предлагаются меры, по которым *«семьи участников специальной военной операции и сами участники СВО при обращении в центры оказания бесплатной юридической помощи не должны будут нести никаких расходов»* (Дмитрий Вяткин, первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия», 2023)²¹. Однако опять же учитываются только монетарные затраты на поддержку мобилизованных, а не наличие или отсутствие личных ресурсов их жен, на которых ложатся эти обязанности. Интересно, что на проблему невозможности оказания немонетарной помощи каждой семье указывают Комитет по развитию гражданского общества и Уполномоченный по правам человека, т.е. признается разрыв между нормативным уровнем поддержки и реальными возможностями системы, особенно в регионах:

«Практически везде потоки обращений выросли. Семьи участников СВО, мобилизованные, беженцы, вопросы по выплатам... Правозащитники на местах должны быть активными. Но аппараты у них маленькие. В 16 территориях по 1–3 человека. Еще около 20 уполномоченных не имеют своего штата. За ними закреплены отдельные сотрудники региональных администраций и учреждений. Такая модель тоже не очень эффективна... Поэтому мы призываем глав регионов проанализировать ситуацию и по возможности усилить аппараты» (Ольга Тимофеева, депутат «Единой России», председатель Комитета по развитию гражданского общества, 2023)²².

²¹ Участники и ветераны СВО, а также члены их семей смогут получить бесплатную юридическую помощь // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/56797/> (дата обращения: 17.02.2025).

²² Комитет по развитию гражданского общества обратился к губернаторам с просьбой усилить работу региональных правозащитников // Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/57239/> (дата обращения: 17.02.2025).

Получается, что жены мобилизованных в официальном дискурсе невидимы: социальная поддержка хоть и распространяется на них, но считает своей задачей поддержку семьи в целом с акцентом на детях и предполагает сохранение женщин как рабочей силы, несмотря на высокий уровень выплат, получаемых мужем. Более того, государство на данном этапе может наиболее эффективно обеспечивать монетарные прямые и косвенные виды поддержки семье. Если раньше женщины выполняли двойную функцию: оплачиваемый труд на рынке труда, неоплачиваемый невидимый труд в семье, — то теперь она стала тройной, к ней добавилась невидимая работа по заботе о муже — участнике СВО (снаряжение, посылки) и возросшие обязанности за двоих в домохозяйстве.

Дифференциация милитаризованного дискурса в практиках женского гендерного контракта

Социальная поддержка

В эмпирическом фокусе этой части работы — профильные форумы жен мобилизованных. Так как основная декларируемая цель чата — взаимопомощь жен мобилизованных, участницы также делятся друг с другом информацией о доступных льготах, а также опытом взаимодействия с государственными органами и даже «закрепляют» сообщения с инструкциями, как получить государственную поддержку. Так, многие смогли получить детские пособия и выплаты из-за малого дохода, которые изначально предполагались для семей военных, но распространились теперь и на семьи мобилизованных.

Кроме того, большинство участниц чата получают косвенные льготы на детей (бесплатные путевки в детские лагеря, льготы на бюджетное поступление в вузы, поступление в детские сады и школы без очередей), а некоторые воспользовались кредитными каникулами, а также получили психологическую и юридическую помощь в одном из восьми открытых в стране Центров помощи семьям мобилизованных.

В то же время участницы форума зачастую сталкиваются с бюрократизацией и безразличием системы. Удовлетворенность социальной поддержкой варьируется исходя из опыта индивидуального взаимодействия с региональными социальными работниками: некоторые отмечали, что ощущают, будто государство забыло о них (в официальном дискурсе Уполномоченный по правам человека отмечает слишком малое количество социальных работников в регионах), другие сталкивались с безразличием.

«Уверена, что для меня было бы лучше, если никто не трогал меня с псевдопоздравлениями из соцслужб. Это так унижительно для меня, когда пришла соцработник, которая закреплена за семьей, и молча через порог сунула мне открытку и так же молча ушла. Зачем? Потому что сказали? А самим же можно подумать... Не нужна мне такая забота. Когда ты на самом деле безразличен. Я сама справлюсь» (жена контрактника).

Из-за неясностей в законодательстве дети от предыдущих браков не всегда получают поддержку. Это, с одной стороны, можно считать недочетом проведения поддержки, с другой — примером направленности социальной политики на удовлетворение обязательств именно мужского гендерного контракта, предложенного мобилизованным. Если льготы, установленные для военнослужащих еще до СВО, распространялись на всех детей, то в мерах поддержки после 2022 года проявляется некая «патрилинейность», адресность помощи детям участников СВО, но не более, несмотря на то, что уход за всеми детьми в любом случае требует ресурсов домохозяйства.

Рынок труда

Контракт «работающей матери» остается наиболее распространенным, но произошли некоторые изменения. Взятие тройной нагрузки (работа, труд в семье и материальная забота о муже) предполагает выполнение неоплачиваемого труда по заботе о муже: отправку продуктов питания, обмундирования и военного снаряжения на фронт, эмоциональный труд по поддержке, оформление полагаемых семье льгот и контроль за выплатами.

Женщины берут на себя задачу обеспечить мужа всем необходимым для службы, неосознанно принимая на себя обслуживание института армии.

«Но после того, как мы поняли, что без толку отговаривать, человек уже настроен, он не готов слушать и принимать какие-то возражения насчет того, что он уходит, задача была — собрать туда, купить максимально то, что ему понадобится. Соответственно, мониторился интернет, все знакомые перелопатили информацию по поводу того, что нужно купить. Ну и все, собрались» (жена контрактника).

Актуален и переход маскулинного домашнего труда в обязанности женщины: починка техники, обслуживание семейного автомобиля, уборка снега и другие хозяйственные работы, требующие физической силы при жизни в селе, а также (для многих) необходимость воспроизводить прежде отцовскую роль авторитета для детей и управлять семейным бюджетом.

«Ну, пришло понимание, что... Я могу. Я сама все могу. Ну и с другой стороны, понимаю, какую колоссальную работу выполнял он здесь. И, соответственно, что отсутствует сейчас. Понятно, что я могу, но тут еще вот это тут делал, это делал он, это делал он, это делал он. Тут меня могли подстраховать с детьми» (жена контрактника с двумя детьми).

В начальный период адаптации несколько карьерно ориентированных матерей (женщины, которые видели работу как важный способ самореализации) уходят с рынка труда вследствие возросшей нагрузки. Так как до мобилизации муж выполнял больше обязанностей по дому, то его «выпадение» из семьи становится более критичным, баланс карьеры и семьи резко нарушается.

Наиболее распространенной практикой среди работающих матерей в чате была попытка использовать работу как способ отвлечения от эмоциональных переживаний. Для этих целей использовались также учеба и повышение квалификации. Женщины были замотивированы на большее вкладывание ресурсов в профессию как осознание потенциальных рисков, с которыми связано участие в СВО для их мужей. Эти риски включают понижение спроса на услуги мужа на рынке труда в связи с потенциальными ограничениями здоровья, возможность гибели мужа, а также нежелание оказаться в финансовой зависимости от мужа в случае его психологической нестабильности после опыта боевых действий.

Интересны и случаи некоторых домохозяек в чате. Для них перераспределение обязанностей в семье проблематично, поэтому они также заинтересовываются тем, чтобы вернуться на рынок труда. Отсутствие мужа становится возможностью стать более независимыми, особенно если до мобилизации они уже находились в декрете. В этих условиях женщины полагаются либо на поддержку своей социальной сети в уходе за детьми и выполнение «мужских» обязанностей, либо, благодаря появившимся собственным ресурсам, проводят «раздомашнивание» через рыночные механизмы: имея ресурсы, нанимают няню, вызывают специалистов по технике, хотя оценки качества этих услуг разнятся и «не заменяют рук мужа».

Несмотря на тройную нагрузку, женщины все равно не готовы отказаться от собственной карьеры, что отражает устойчивость контракта «работающей матери» в российском обществе. Даже уход с работы рассматривается как вынужденная временная мера, а домохозяйки переходят на рыночные услуги, чтобы использовать собственный доход для снижения затрат на неоплачиваемый труд. Более того, если одни также направляют дополнительный заработок на помощь мужу, воспроизводя распространенную для жен военных полную субординацию армейским нуждам, то другие фокусируются на достижении независимости от мужа и повышении социального капитала детей через открывшиеся возможности обучения, становясь новой главой семьи.

Заключение

Итак, милитарный гендерный контракт, поддерживаемый государством в социальной политике, направлен прежде всего на мужчин как «защитников семьи и Родины», а не на женщин (или на тех и других вместе), которые рассматриваются исключительно как члены семьи мужчины и «сильный и надежный тыл» [Enloe, 2000]. Это становится аргументом в пользу милитаризации как маскулинного процесса, приводящего к усилению гендерного неравенства [Sjoberg, Via, 2010: 8].

Социальная политика в отношении семей мобилизованных показывает их высокий социальный статус и готовность государства тратить ресурсы на их семьи как свое обязательство в мужском гендерном контракте (или его мужской части), но женщины в этом дискурсе скорее невидимы. Эта забота

продолжает общий подход к семейной политике в России, где государство предлагает традиционалистскую и патерналистскую монетарную поддержку, но не решает проблему разрыва между декларируемой ценностью благополучия семей и недостаточностью средств немонетарной помощи им [Borozdina et al., 2016; Morris, Garibyan, 2021]. Для жен мобилизованных это амбивалентно проявляется, с одной стороны, в общей удовлетворенности монетарными льготами, с другой — в трудности получения не менее важных косвенных мер поддержки.

Женский гендерный контракт сконтурирован негласным взятием тройной нагрузки, характерной для жен военных: помимо участия на рынке труда и воспитания детей, на женщину перекладывается неоплачиваемый труд по заботе о муже [Enloe, 2000; Hedström, 2022] и маскулинный домашний труд. В семьях военных за рубежом предпочитаемый гендерный контракт продвигается через высокий уровень институциональной социализации в военных сообществах и сообществах жен военных [Ziff, Garland-Jackson, 2020]. Дискурс социальной политики идеологически мобилизует личное решение мужчины как «защитника семьи и Родины», что создает условия для появления обновленного дифференцированного репертуара женских гендерных контрактов. Практики нового гендерного контракта определяются через перераспределение нагрузки в обсуждениях с мужем, использование доступных ресурсов бюджетов времени, социальных связей и платных услуг, а также через оценку потенциальных рисков для финансового положения семьи.

В этом свете важнейшей особенностью адаптации гендерных контрактов российских жен мобилизованных является защита своих карьерных возможностей, т.е. сохранение или даже усиление роли рынка труда в гендерном контракте. Российские жены мобилизованных закрепляют важность карьеры даже при высокой нагрузке и не готовы отказаться от оплачиваемого труда, что соответствует тезису о стабильности контракта «работающей матери» в российском обществе [Айвазова, 2011; Рождественская, 2011; Savinskaya, 2024]. Для них работа — это инвестиция в благополучие семьи при ограниченной перспективе военного контракта мобилизованного, а также как отвлечение от эмоционального стресса и способ сохранения гражданской идентичности.

Таким образом, жены мобилизованных берут на себя тройную нагрузку, совмещая оплачиваемую работу, заботу о детях и поддержание домашнего хозяйства, заботу о мобилизованном члене семьи. Хотя они активно используют монетарные меры поддержки, отсутствие эффективной немонетарной социальной политики приводит к большей дифференциации милитаризованных гендерных контрактов. Эта дифференциация определяется доступностью ресурсов перераспределения нагрузки, таких как социальные связи, время и платные услуги, и усиленной опорой на рынок труда. Это создает условия, в которых готовность женщин обслуживать нужды института армии определяется в большей степени их личными стратегиями и ресурсами, чем вкладом государства. Будущие исследования сосредоточатся на детальной концептуализации форм милитаризованных гендерных контрактов среди жен мобилизованных.

Литература / References

Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2001. С. 291–309. EDN: [TIVNTT](#)

Ayvazova S. G. (2001) The Contract of a "Working Mother": the Soviet Version. In: *Gendernyy kaleydoskop* [The Kaleidoscope of Gender]. Moscow: Akademiya. P. 291–309. (In Russ.)

Айвазова С. Г. Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 13–22. EDN: [OJMXIN](#)

Ayvazova S. G. (2011) The Contract of a "Working Mother": Violations or Termination? (On the Issue of the Specifics of Gender Policy in Modern Russia). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 3. P. 13–22. (In Russ.)

Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Российская семья на европейском фоне. М.: Эдиториал, 1998.

Arutyunyan M. Yu., Zdravomyslova O. M. (1998) *Rossiyskaya semya na yevropeyskom fone* [Russian Family against a European Background]. Moscow: Editorial. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Темкина А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3–4. С. 299–321. EDN: [IARNYH](#)

Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) The Public Construction of Gender in Soviet Society. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 1. No. 3–4. P. 299–321. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Темкина А. 12 лекций по гендерной социологии: Учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2015) *12 lektsiy po gendernoy sotsiologii: Uchebnoye posobiye* [12 Lectures on Gender Sociology: A Textbook]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Кривцова И. Гендерный контракт в семьях военнослужащих Дальневосточного военного округа // Вестник Евразии. 2006. № 2. С. 95–113. EDN: [HVGADH](#)

Krivtsova I. (2006) Gender Contract in the Families of Servicemen of the Far Eastern Military District. *Vestnik Yevrazii* [Acta Eurasica]. No. 2. P. 95–113. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Концепция баланса жизни и труда: уроки европейской социальной политики и российские перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 4. С. 439–454. EDN: [OOWZRH](#)

Rozhdestvenskaya E. Yu (2011) The Concept of Balance of Life and Work: Lessons from European Social Policy and Russian Perspectives. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 9. No. 4. P. 439–454. (In Russ.)

Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. EDN: [RPWLWR](#)

Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) (2007) *Rossiyskiy geneticheskiy poryadok: sotsiologicheskii podkhod* [The Russian Gender Order: A Sociological Approach]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 169–200. EDN [DUDXLO](#)

Rotkirkh A., Temkina A. (2007) Sovetskiye geograficheskiye kontrakty i ih transformatsiya v sovremennoy Rossii [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Contemporary Russia]. In: *Rossiyskiy geograficheskiy poryadok: sotsiologicheskii podkhod* [The Russian Gender Order: A Sociological Approach]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. P. 169–200. (In Russ.)

Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. EDN: [DSFMKY](#)

Chernova Zh. (2013) *Semya kak politicheskiy vopros: gosudarstvennyy proyekt i praktika privatnosti* [Family as a Political Issue: A Government Project and Privacy Practices]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburg. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–318. EDN: OIVUJR

Chernova Zh.V. (2011) Who, about Whom and Under What Conditions Should Care? A Gender Analysis of Care Regimes and Family Policy. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 9. No. 3. P. 295–318. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Шпаковская Л. Л. Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 12–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.1> EDN: CUNXOL

Chernova Zh.V. Shpakovskaya L.L. (2021) Three Regimes of Gender Citizenship: Social Policy Experience of Three Generations of Russian Women. *Interaksiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 13. No. 3. P. 12–43. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.1>

Bell D.B., Stevens M.L., Segal M.W. (1996) *How to Support Families During Overseas Deployments: A Sourcebook for Service Providers*. Alexandria: U. S. Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences.

Borozdina E., Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. (2016) Using Maternity Capital: Citizen Distrust of Russian Family Policy. *European Journal of Women's Studies*. Vol. 23. No. 1. P. 60–75. DOI: <https://doi.org/10.1177/1350506814543838>

Bourg C., Segal M.W. (1999) The Impact of Family Supportive Policies and Practices on Organizational Commitment to the Army. *Armed Forces & Society*. Vol. 25. № 4. P. 633–652. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X9902500406>

Connell R. (2013) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press. Enloe C. (2000) *Maneuvers: The International Politics of Militarizing Women's Lives*. Berkeley: University of California Press.

Eran-Jona M. (2011) Married to the Military: Military-Family Relations in the Israel Defense Forces. *Armed Forces & Society*. Vol. 37. No. 1. P. 19–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X10379729>

Sjoberg L., Via S. (eds.) (2010) *Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives*. Santa Barbara; Denver; Oxford: Praeger.

Harrison D. (1994) *La liberté No Life Like it: Military Wives in Canada*. Toronto: J. Lorimer.

Hedström J. (2022) Militarized Social Reproduction: Women's Labour and Parastate Armed Conflict. *Critical Military Studies*. Vol. 8. No. 1. P. 58–76. DOI: <https://doi.org/10.1080/23337486.2020.1715056>

Horn D.M. (2010) Boots and Bedsheets: Constructing the Military Support System in a Time of War. In: L. Sjoberg, S. Via (eds.) *Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives*. Santa Barbara; Denver; Oxford: Praeger. P. 57–68.

Huebner A.J., Mancini J.A., Bowen G.L., Orthner D.K. (2009) Shadowed by War: Building Community Capacity to Support Military Families. *Family Relations*. Vol. 58. No. 2. P. 216–228. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2008.00548.x>

Johnson A., Ames K., Lawson C. (2022) Archetype Profiles of Military Spouses in Australia — Identifying Perfect Partners and Mean Girls. *Armed Forces & Society*. Vol. 48. No. 4. P. 828–848. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X211029318>

Kashina M., Tkach S. (2020) Fatherhood Escape as a Significant Feature of the Gender Contract of Russian Men. *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 41. No. 9/10. P. 1058–1071. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJSSP-09-2020-0426>

Kleykamp M. (2012) Labor Market Outcomes among Veterans and Military Spouses. In: *Life Course Perspectives on Military Service*. New York: Routledge. P. 144–164.

Liljestrom M. (1993) The Soviet Gender System: The Ideological Construction of Femininity and Masculinity in the 70's. In: M. Liljestrom, E. Mantysaari, A. Rosenholm (eds.) *Gender Restructuring in Russian Studies*. Tampere: Slavica Tamperensia II. P. 163–174.

Moelker R., Andres M., Ronés N. (2019) The Politics of Military Families: State, Work Organizations, and the Rise of the Negotiation Household. In: R. Moelker, M. Andres, N. Ronés (eds.) *The Politics of Military Families. State, Work Organizations*. New York: Routledge. P. 1–16.

Morris J., Garibyan M. (2021) Russian Cultural Conservatism Critiqued: Translating the Tropes of “Gayropa” and “Juvenile Justice” in Everyday Life. *Europe-Asia Studies*. Vol. 73. No. 8. P. 1487–1507. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1887088>

Moskos C. C. (1986) Institutional/Occupational Trends in Armed Forces: An Update. *Armed Forces & Society*. Vol. 12. No. 3. P. 377–382. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X8601200303>

Mullet D. R. (2018) A General Critical Discourse Analysis Framework for Educational Research. *Journal of Advanced Academics*. Vol. 29. No. 2. P. 116–142. DOI: <https://doi.org/10.1177/1932202X18758260>

Savinskaya O. B. (2024) The Diversification of the Russian Gender Contract and the Conservative Turn. *Europe-Asia Studies*. Vol. 76. No. 2. P. 265–283. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2024.2323115>

Segal M. W. (1986) The Military and the Family as Greedy Institutions. *Armed Forces & Society*. Vol. 13. No. 1. P. 9–38. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X8601300101>

Spanner L. (2022) Resilient and Entrepreneurial Military Spouses: Neoliberalization Meets Militarization. *Critical Military Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 233–253. DOI: <https://doi.org/10.1080/23337486.2020.1815385>

Truusa T. T., Kasearu K., Strömpl J. (2021) Military Spouses in Contemporary Estonia: Meaning Making in the Stories of the Wives and Partners of Active Servicemen. *Journal of Baltic Studies*. Vol. 52. No. 3. P. 307–325. DOI: <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1915830>

Ukhova D. (2022) Doing Gender with Class: Gender Division of Unpaid Work in Russian Middle-Class Dual Earner Heterosexual Households. *Journal of Family Issues*. Vol. 43. No. 12. P. 3244–3270. DOI: <https://doi.org/10.1177/0192513X211042846>

Van Dijk T. A. (1993) Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse & Society*. Vol. 4. No. 2. P. 249–283. DOI: <https://doi.org/10.1177/0957926593004002006>

Wodak R., Meyer M. (2001) Methods of Critical Discourse Analysis In: *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage. DOI: <https://doi.org/10.4135/9780857028020>

Ziff E., Garland-Jackson F. (2020) “I’m Not Your “Typical” Military Wife”: The Construction of Gender and Agency Through Stereotypes. *Armed Forces & Society*. Vol. 46. No. 3. P. 376–396. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X19875488>

Zinn J. O. (2011) The Biographical Management of Risk and Uncertainty — British Veterans. *Historical Social Research/ Historische Sozialforschung*. Vol. 36. No. 3. P. 237–269. DOI: <https://doi.org/10.17169/FQS-11.1.1457>

Сведения об авторе:

Осокина Дарья Александровна — бакалавр социологии, стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** dosokina@hse.ru. **ORCID ID:** 0009-0009-2041-401X.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2024

Принята к публикации: 23.02.2025

Social Policy Discourse as a Frame of a New Repertoire of Gender Contracts for Wives of the Mobilized

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.5

Daria A. Osokina

HSE University, Moscow, Russia
E-mail: dosokina@hse.ru

The article studies a model of social policy aimed at supporting families of the mobilized in Russia as a tool for promoting a preferred gender contract. Families of the mobilized, having no experience of interacting with the institute of the army in conditions of military conflict, are forced to adapt to the requirements of the state in a short time. The context of the study: family policy is becoming a priority in the Russian Federation not only as support for socially vulnerable families of SVO participants, but also as an ideological tool for forming a new balance of power and gender relations in Russian families affected by militarization. The study uses critical discourse analysis that allows us to research the discourse of social support measures in the official statements of lawmakers, evaluating these measures from the perspective of the wives in thematic online chats mobilized as collective discourses. As a result of the analysis, family policy in relation to families of the mobilized is characterized as traditional and paternalistic, it is shown that there remains a gap between the normative concepts of state aid and the measures being implemented. The wives of those mobilized note their satisfaction with the monetary level of support as well as the difficulty of obtaining indirect benefits, and the system's inability to provide personalized assistance. The repertoire of women's gender contracts is differentiated on an interactive level, the importance of market participation for Russian women is consolidated, and the role of the state in a woman's willingness to serve the army institute is small.

Keywords: social policy, gender contract, families of the mobilized, critical discourse analysis

Acknowledgements. The publication was prepared during the research of the Project Group "Social Order in the transforming social sphere: Macro and Micro Analysis" of the Faculty of Social Sciences of the Higher School of Economics University (HSE) in 2024–2025.

Author Bio:

Daria A. Osokina — Bachelor in Sociology, Trainee-Researcher, International Laboratory for Applied Network Research, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: dosokina@hse.ru. **ORCID ID:** 0009-0009-2041-401X.

Received: 12.11.2024

Accepted: 23.02.2025